Старуха, мать лесничего Ульриха Хансена, молча склонилась над спящей женщиной и пристально на нее смотрела. Уже несколько месяцев, никто не догадывался, что слепая графиня лежала у них тяжело больная, и она старательно выхаживала несчастную по просьбе сына.

Но она испытывала к ней только принужденные чувства, ее сердце не участвовало в происходящем. Она не могла смириться с тем, что ее единственный сын так много страдал из-за Герды, что он совсем утратил жизнерадостность после того удара, который ему нанесла ее помолвка с графом, что он отрешился от всех удовольствий жизни и удалился — с горечью — в уединение.

Понимая чувства матери к Герде, Ульрих старался заботиться о больной женщине еще больше, чтобы она ни в чем не нуждалась. Старуха же исполняла все его просьбы, и вот однажды ему удалось убедить ее попробовать применить старое, испытанное народное средство к незрячей женщине, чтобы, возможно, исцелить ее лишенные света глаза.

И Герде действительно становилось заметно лучше, но теперь обида и горечь снова взяли верх над матерью лесника.

О, насколько иначе могла бы сложиться судьба этих трех людей, если бы Герда оказалась женой Ульриха. Они с детства дружили. Отец Ульриха, который был старшим лесничим у отца Герды, барона Вейдинга, проводил много времени в его доме, и поэтому их дети подружились друг с другом.

Когда баронесса подросла и расцвела, в сердце Ульриха зародилась пылкая любовь из дружбы юных лет, но Герда об этом не догадывалась. Ее сердце было отдано графу Штайнаху, к которому стремились все женские сердца.

Так Ульриху пришлось похоронить мечту о счастье и любви. И все же он и сегодня любил Герду так же страстно, как и тогда, когда другой похитил ее у него. Между тем умер его отец: Ульрих оставил учебу и вернулся домой, чтобы поселиться здесь с матерью и полностью посвятить себя науке.

Молодая графиня и не подозревала, как дорога она была Ульриху. И ее беда едва не разорвала его сердце на части.

В тот момент, когда лесничий тихонько зажигал лампу, Герда, пробудившись от глубокого сна, открыла глаза.

— Что со мной? — сказала она полувслух, все еще не проснувшись, — перед глазами у меня слабое мерцание. Что это значит?

Госпожа Хансен поспешно подошла к ней.

— Что вы хотите сказать, графиня — мерцание света? — заикаясь, пролепетала она. — Может быть, Бог смилостивится над вами и даровал вам прозрение?

— Нет, нет, не стоит вселять в меня надежды, которым не суждено сбыться. Возможно, это всего лишь иллюзия, и я обречена на бесконечную ночь! О, дорогая добрая госпожа Хансен, помогите мне отыскать моего маленького Гарольда, может быть, он еще жив! Не может же Господь быть настолько жесток, чтобы отнять у меня самое дорогое! Но если он умер, то…

И вдруг в комнату, задыхаясь, вбежал Ульрих.

— Наконец-то, наконец-то я принес тебе радостную весть, Герда! — ликовал он. — Твой сын не умер; он жив, здоров и сейчас находится в замке!

С губ молодой женщины сорвался возглас облегчения. Воздев руки к небу, она заикалась от блаженства, словно опьянев:

— Благодарю Тебя, Отец Небесный, что Ты сберег для меня моего сына!

И поспешно добавила:

— Но сейчас я непременно должна отправиться к своему ребенку! Нет, нет, Ульрих, не останавливай меня больше, я должна отправиться к нему, ибо тоска по моему любимому почти снедает меня!

— Не надо, Герда, — взмолился он. — Не ходи в замок, подумай только, какие опасности поджидают там тебя! Уолли считает тебя мертвой; но если она узнает, что ты жива, она задумает против тебя новую подлость!

— И если бы даже адские муки ожидали меня там, я все равно обязана пойти!— — взволнованно простонала Герда. — Уже несколько месяцев со мной нет моего Гарольда, а теперь, если я его найду в руках этой дьяволицы, я не смогу здесь успокоиться!

Вздохнув, Ульрих сдался ее желанию. Он прекрасно понимал, что ничто не помешает ей броситься к ребенку. Как же он опасался за свою любимую женщину, когда представил во власти ее смертельного врага.

Дрожащим голосом она попрощалась с ним.

— Герда, я провожу тебя немного, что ты не потерялась! — прохрипел он и взял ее за руку.

Молча они вышли в ночь; она не могла думать ни о чем, кроме своего ребенка, и неописуемая радость переполняла ее сердце, что она жива, что не сделалась убийцей из-за собственной ошибки.

Но грозный голос взывал к ней:

— Я не вправе отправляться за ним в замок и не смогу уберечь ее от беды! Но что станет с ним там, без моей защиты?!

Когда они свернули на каштановую аллею, которая вела прямо к замку, Герда поспешно убрала дрожащую руку.

— Дальше я сама отыщу дорогу, Ульрих! Спасибо тебе, Ульрих, за все, что ты для меня сделал! Теперь, когда я знаю, что мой ребенок жив, я счастлива, что ты спас мне жизнь!

С горячим чувством он пожал ее руку.

— Да направит тебя Бог! — прошептал он глухим голосом. — Никогда не забывай, что я всегда готов помочь тебе, Герда, и всегда поддержу тебя!

Она еще раз с благодарностью улыбнулась ему, а затем поспешила прочь так быстро, как только могла. Переживая, он смотрел ей вслед.

Слепая женщина торопливо шла вперед. Когда она наконец приблизилась к замку и подняла

глаза, то с удивлением увидела, что перед ней снова мерцает полумрак. Что же это значит?

Хотя весь замок сверкал праздничными огнями, она, конечно, не могла этого разглядеть.

Идя на встречу мерцанию, она пробиралась сквозь мрачные арочные проходы и добралась до павильона рядом с замком.

И вдруг раздался голос где-то недалеко, заставивший ее замереть сердце, это был голос Уолли, ее смертельного врага.

— Курт, будь благоразумен, разве ты не видишь, что так будет лучше? — приглушенным шепотом говорила Уолли. — Ты знаешь, что я не люблю его, потому что мое сердце принадлежит только тебе! Но не забывай, мы оба нищие; но я хочу поскорее разбогатеть, очень разбогатеть, и это единственная возможность добиться этого!

— Но я сойду с ума, Уолли, — возразил хриплый мужской голос, — если сегодня вечером увижу тебя в его объятиях! Ты должна принадлежать только мне, и только мне!

— Тише, Курт, не надо так шуметь, нас могут услышать! — воскликнула Уолли. — В чем моя вина, что мои письма не дошли до тебя раньше! А теперь я ничего не могу исправить! Через два часа состоится венчание!

Слепая графиня в замешательстве схватилась за лоб, потому что слова Уолли были ей совершенно непонятны. О какой свадьбе она говорила?

— Ну же, Курт, не будь дураком! — прошептала Уолли. — Я клянусь тебе, что граф мне совершенно безразличен! Мне нужны только его деньги, поэтому я и привязала его к себе, только ради этого! Неужьо не достаточно средств, чтобы потом от него отделаться! А потом, любимый, когда я снова стану свободной, тогда...

Она не успела договорить, потому что где-то не вдалеке раздался душераздирающий крик.

Словно пораженная молнией, Уолли вскочила на ноги и бросилась на голос, а за ней последовал ее любовник.

И вдруг Герда предстала перед ней, словно богиня мести.

— Бессовестная негодяйка! — вскричала слепая женщина пронзительным голосом. — Так вот что ты задумала! Так ты обманываешь мужчину, который из-за тебя сделался подлецом и бросил меня в пучину страданий! Но я раскрою ему глаза! Я сейчас же поспешу к нему и к моему несчастному ребенку!

С изумленным возгласом Уолли при виде Герды отступила назад.

— Боже правый, да это же она! Слепая графиня восстала из мертвых! — в ужасе застонала она.

Как только Герда повернула в сторону замка, Уолли кинулась на нее и вцепилась в нее обеими руками.

Страшный крик — на помощь— нарушил тишину ночи.

Но его никто не услышал, рядом не оказалось никого, кто мог бы спасти бедную слепую

женщину из рук ее заклятого врага. С железной хваткой Уолли схватила несчастную и пыталась сбить ее с ног.

Но Герда отчаянно сопротивлялась, как одержимая. Она боролась не только за свою жизнь, но и за право обладания своим ребенком. Страх и волнение, охватившие ее, придавали ей небывалую силу, и между двумя женщинами вспыхнула ожесточенная схватка.

— Помоги мне, Курт! — задыхаясь, воскликнула Уолли, взывая к своему любовнику, который до сих пор нерешительно оставался в стороне.

Не раздумывая, негодяй набросился на Герду, и теперь ее с легкостью удалось повалить на землю.

Мужчина с легкостью связал ей руки и несчастная женщина беспомощно распростерлась на земле, а ее заклятый враг с презрительным торжеством взирала на нее.

— Ага, вот теперь ты у меня в руках! — дьявольски рассмеялась она. — Тебе едва не удалось в последнюю минуту помешать моему грандиозному плану! Если бы ты увиделась с Гансом, все бы пропало!

— Боже мой, Боже мой, — отчаянно рыдала Герда, — не покидай меня!

И с потухшими глазами, устремленными на женщину, которая разрушила все ее счастье, она умоляла душераздирающим голосом:

— Мне не нужно ничего, кроме моего дитя! Забирайте все мое состояние и моего любимого мужа, которого я любила со всей пылкостью, но верните мне мое дитя, моего Гарольда! В безмолвии и страданиях я удалюсь — и никогда не пересекусь с вами — никогда вы не услышите обо мне.... только отдайте мне моего ребенка!

С еще более горячей и тревожной мольбой Герда подняла свои связанные руки к Уолли — но на перекошенном ненавистью лице этой дьявольской женщины не было и следа жалости. С издевательским смехом она отвернулась от Герды.

— Быстрее, Курт, помоги мне отнести ее в башню! — прошептала она своему сообщнику в преступлении. — Нельзя терять времени, я должна успеть приготовиться к свадебной церемонии. Но сначала мы должны любой ценой обезвредить ее.

С широко раскрытыми глазами Герда с ужасом вслушивалась в перешептывания двух злодеев; но когда она уже собиралась снова громко закричать и позвать на помощь, Уолли, которая ни на минуту не спускала с нее глаз, молниеносно зажала рукой рот Герды.

— Заткни ей рот, чтобы она больше не могла кричать! — сердито приказала она своему любовнику.

Молодой человек, над которым она имела не меньшую власть, чем над графом, и который так же был безвольным рабом, исполнил ее приказание. Затем он на руках понес слепую графиню в пристройку башни замка, а Уолли, последовал за ним.

Ее прежде прекрасное, цветущее лицо побледнело как полотно и было искажено гневом. Она опасалась, что кто-то может случайно оказаться свидетелем ее преступления. Если кто-нибудь узнает, что несчастная юная жена графа все еще жива, то рухнут ее воздушные замки, возведенные на обмане, мошенничестве и преступлении, и ей придется самой — алчущей

богатств женщине — похоронить их.

Не так-то легко было уговорить графа сделать ее своей женой.

Чувство чести, предупреждающий голос совести не позволяли ему позволить этому прекрасному, грешному созданию занять место того прекрасного существа, которое он предательством обрек на гибель.

Да, Герда умерла — в этом уже не могло быть никаких сомнений, ведь уже много дней они тщетно прочесывали всю округу и назначали высокую вознаграждение тому, кто найдет слепую графиню. Но тело слепой женщины так нигде и не было найдено, возможно она покоилась на дне пруда в замке, в глубоких недрах ила, который не отпускал ничего из того, что они некогда проглотили. И разве найденная на берегу шаль несчастной женщины не свидетельствовала о том, что она нашла свой конец в этих тихих водах?

Да и как бы еще маленький Гарольд мог попасть туда, на берег озера? Несомненно, несчастная, обманутая женщина хотела унести ребенка с собой в холодную могилу. Почему она не осуществила своего намерения — кто знает! Ничего не говорила вода, и водяные лилии молчали.

Шли месяцы, и порой Уолли уже теряла всякую надежду на то, что ей все-таки удастся окончательно прогнать мрачные тени, которые так часто омрачали лицо графа после смерти Герды. Но в конце концов ее порочная красота, ее утонченное кокетство снова сумели покорить графа и превратить его в ее безвольного раба. И сегодня должна была состояться свадьба, на которой она должна была шагнуть на последнюю ступеньку к своему счастью.

И вот неожиданно перед ней предстала умершая, неужели ей снова суждено упасть с высот, которых она с таким трудом добилась?

— Никогда! — злобно прошипела она и сжала кулаки.

Герду безжалостно затащили в башню, и только когда Курт положил ее в самой верхней комнате, где уже много лет не ступала нога человека, вытащили кляп изо рта.

Герда лежала скорее мертвая, чем живая перед своей мучительницей, которая смотрела на нее сверкающими глазами.

— Я сейчас уйду, милая Герда, — сказала она с усмешкой. — Поздравь меня напоследок — ведь через час твой дорогой Ганс поведет меня к алтарю!

Из уст слепой женщины вырвался звук беззвучного страдания, но в ответ Уолли лишь злобно усмехнулась и решительно захлопнула за собой дверь.

— Милостивый, Великий Бог! — вскричала несчастная молодая женщина. — Если Ты всемогущ, почему Ты не поразишь этого дьявола в человеческом обличье молнией Своего гнева! А мое дитя, мой бедный милый малыш — что с ним теперь станет? Слепая мать не в силах его защитить! Сжалься над ним и пошли ему ангела, который бы его оберегал!

Пока несчастная женщина отчаянно предавалась своей неистовой боли, Уолли попрощалась со своим любовником внизу, перед входом в башню. Он снова горячо притянул ее к себе.

— Уолли, горе тебе, если ты обманешь меня и не захочешь расстаться с графом! Если ты его любишь…

— Не будь дураком! — сердито прервала она его. — Я еще раз повторяю тебе, что граф мне совершенно безразличен! Тебе этого должно быть вполне довольно, Курт! А теперь прощай; скоро мы вновь увидимся!

Со всей страстью, на которую она была способна, она неистово обняла его и поцеловала так пылко, что он потерял голову. Затем она вырвалась из его объятий и помчалась в замок.

Час спустя Уолли вошла в часовню замка в свадебном платье из шелка и драгоценных кружев, на ее губах играла победная улыбка. Пригласили лишь несколько свидетелей, которые следовали за женихом и невестой к алтарю, а на у входа теснился обслуживающий персонал.

Среди них была и старая Дора, мать садовника, которая предупреждала Герду о Уолли. На лице старушки отразилась глубокая печаль: она не могла позабыть слепую графиню, которая была такой любящей и нежной. На лице старушки отразилась глубокая печаль: она не могла позабыть слепую графиню, которая была столь нежна и ласкова:

— Нет Бог не благословит этот брак, — пробормотала она и сжала руку. — Сверкающие шелка прикрывают ложное сердце! Ха, как она ликует, гордая невеста, что теперь она стала графиней! Она со стыдом должна опускать глаза, поскольку только она одна виновата в смерти бедной слепой. Да накажет ее за это Господь!

Возможно, остальные считали точно так же, потому что отнюдь не приветливые взгляды провожали Уолли. Отныне они должны были повиноваться ей, но в душе они ее ненавидели!

Под аккомпанемент органа красивая пара, шагнула к алтарю. Церемония не длилась долго, Уолли сама так захотела. Когда священник соединил ее руку с рукой графа после того, как они обменялись кольцами и получили благословение, Уолли невольно вспомнила о заключенной в темницу слепой женщине, чьи умоляющие рыдания в тот момент укололи ее сердце тысячей игл. Уолли показалось, что она слышит отчаянные рыдания Герды:

— О, отдайте мне мое дитя!

Однако жалость была ей чужда; с величественной осанкой она направилась под руку с графом к выходу. Наконец-то она добилась своей высокой цели!

Но еще до того, как они достигли центра зала, люстра внезапно с громким звоном упала прямо к их ногам. Еще немного, и она упала бы на них и убила их на месте.

Крики ужаса заполнили освященный зал. Их окружала кромешная тьма, и кругом послышались приглушенные голоса:

— Какое несчастье! Какой ужас! Это дурное предзнаменование!

http://tl.rulate.ru/book/92712/3101510